

RU

Тексты как источник формирования концептосферы
(на примере концепта КУБА)

Воронец М. В.

Аннотация. В статье на примере концепта КУБА рассматривается проблема источников формирования концептосферы. Целью исследования является установление влияния текстов о Кубе на формирование соответствующего образа у носителей русской лингвокультуры. Таким образом, работа выполнена на стыке когнитивной и корпусной лингвистики. Научная новизна заключается в получении экспериментально доказанных данных о стандартизации концепта КУБА в сознании носителей русской лингвокультуры, что позволяет сделать предположение о высокой степени типизации концептов, сформированных на основе опосредованного опыта. Для более полного представления о функционировании лексики «Куба» в русскоязычных текстах рассмотрены контексты из разных подкорпусов Национального корпуса русского языка: основного (подкорпус «Художественные тексты»), газетного (Центральные СМИ) и «Социальные сети». В результате анализа функционирования лексики «Куба» в разнообразных контекстах выявлены множество смысловых пересечений между русскоязычными текстами и реакциями респондентов, определённый набор штампов. Однако нет оснований утверждать, что образ Кубы у носителей русской лингвокультуры сформировался под влиянием соответствующих текстов, скорее совпадения обусловлены одной и той же базой знаний. Так, в ходе эксперимента получены реакции, не нашедшие отражения в проанализированных текстах, и, напротив, в текстах обнаружены темы, никак не представленные в ответах респондентов.

EN

Texts as a source of formation of the conceptual sphere
(using the concept CUBE as an example)

M. V. Voronets

Abstract. Using the concept CUBE as an example, the article examines the problem of sources of formation of the conceptual sphere. The aim of the study is to establish the influence of texts about Cuba on the formation of an appropriate image among native speakers of Russian linguistic culture. Thus, the work was carried out at the intersection of cognitive and corpus linguistics. The scientific novelty lies in obtaining experimentally proven data on the standardization of the concept CUBE in the minds of native speakers of Russian linguoculture, which allows us to assume a high degree of typification of concepts formed on the basis of indirect experience. For a more complete understanding of the functioning of the lexeme "Cube" in Russian-language texts, contexts from different subcorpora of the National Corpus of the Russian language are considered: the main (subcorpus "Artistic texts"), newspaper (Central media) and "Social networks". As a result of the analysis of the functioning of the lexeme in "Cube" various contexts, many semantic intersections between Russian-language texts and respondents' reactions, a certain set of stamps, were revealed. However, there is no reason to assert that the image of Cuba among native speakers of Russian linguoculture was formed under the influence of the relevant texts, rather, the coincidences are due to the same knowledge base. Thus, during the experiment, reactions were obtained that were not reflected in the analyzed texts, and, on the contrary, topics were found in the texts that were not represented in any way in the respondents' responses.

Введение

Когнитивная лингвистика стала одним из самых популярных направлений современного языкознания (Лудова, 2014, с. 69; Бринев, 2017, с. 16). Само возникновение когнитивной лингвистики вызвано закономерной потребностью заполнить нишу в изучении связей языка и мышления / языка и познания, прояснить отношения между денотатом, неким бессловесным образом, существующим в сознании носителей какого-либо языка,

и непосредственно словом. Таким образом, когнитивная лингвистика пытается решить множество проблем: от описания наиболее значимых для той или иной культуры концептов до изучения национальной картины мира в целом и исследования самой природы концептуализации, категоризации и т. д. Такой широкий спектр вопросов не только позволяет ставить новые уникальные задачи, но и таит опасность для исследователей, так как вынуждает работать со связями, которые нигде не зафиксированы, а соответственно, их выявление часто зависит от корректности проведённого эксперимента и его интерпретации. Кроме того, при исследовании механизмов познания и мышления есть риск выйти за пределы лингвистической компетенции.

Учитывая перечисленные трудности, а также отсутствие опоры на многие важные положения когнитивной лингвистики, релевантность которых также обсуждается в современной науке (Бринев, 2017; 2023; Бринев, Шпиляная, 2020), отметим, что в данной работе мы используем лишь некоторую терминологию и приёмы данной области. В статье анализируется образ Кубы в сознании носителей русской лингвокультуры, однако в центре исследования оказывается не реконструкция концепта КУБА, а функционирование соответствующей лексемы в различных контекстах на русском языке и установление связей между особенностями функционирования и ассоциациями носителей русского языка, что позволяет по-новому взглянуть на проблему формирования концептосферы.

Вопрос об источниках представлений о мире рассматривается современными исследователями в разных аспектах. Так, в некоторых работах предпринимается поиск универсальной основы формирования концептосферы (Суворова, Романова, Михайлов, 2023), в других в центре внимания оказывается языковое сознание ребёнка (Беляевская, 2015) или представителей определённой профессии (Севастьянова, 2017). При этом множество вопросов в этой сфере остаются открытыми, так как очевидно, что знакомство с объектами происходит из разных источников, что приводит к различиям в закреплении того или иного концепта в сознании. Формирование концепта посредством получения информации от других людей, например через тексты, может стать причиной развития различных предубеждений, ненадёжным бывает и собственный опыт, что порождает множество трудностей в коммуникации и, шире, во взаимодействии с окружающим миром. Это является одной из проблем, связанных с отражением того или иного объекта реальности в сознании говорящего, что активно изучается в русле гуманистической парадигмы современного языкознания, направленной на комплексное изучение феноменов ментальности, культуры и языка (Юровицкая, 2005, с. 3). Всё это обуславливает актуальность изучения источников формирования конкретных концептов и концептосферы в целом.

Цель работы определила выбор следующих задач исследования:

- 1) проведение ассоциативного эксперимента, направленного на выявление ассоциаций с Кубой носителей русской лингвокультуры;
- 2) анализ контекстов с лексемой «Куба» на основании данных Национального корпуса русского языка (подкорпусы «Основной. Художественные тексты», «Газетный. Центральные СМИ» и «Социальные сети»);
- 3) выявление точек пересечения между образом Кубы, формируемым текстами на русском языке, и ассоциациями носителей русской лингвокультуры.

В соответствии с поставленными задачами были выбраны следующие методы исследования: сравнительно-сопоставительный анализ, позволивший выявить проблемные зоны в описании источников формирования концептосферы, ассоциативный эксперимент, использованный для получения реакций носителей русской лингвокультуры на стимул «Куба», контекстуальный анализ, заключающийся в установлении тематической доминанты разнообразных контекстов, а также методы статистического анализа, направленные на определение частотности реакций и употреблений и установление связей между полученными данными.

Теоретическую базу исследования составили труды З. Д. Поповой и И. А. Стернина (2001; 2007), в которых даны определения концепта и концептосферы, а также классификация источников формирования концепта, особенно важным в контексте данного исследования оказывается представление о стандартизации концептов. Кроме того, в статье приводятся работы Н. С. Валгиной (2003) и В. Я. Шабеса (1989), в которых раскрывается роль фоновых знаний; исследования концептов, выполненные с использованием методов корпусной лингвистики (Труфанова, Морозова, 2022; Селин, 2011). В статье также упоминаются работы ученых, занимающихся изучением формирования концептосферы, – Е. В. Суворовой, Ю. Г. Романовой и В. В. Михайлова (2023), Е. Г. Беляевской (2015), И. В. Севастьяновой (2017), – позволившие выявить лакуны в данной области. Особое внимание уделено работам по изучению концептов разных стран таких авторов, как Я. Чжан (2022), Е. Н. Стрельчук, А. Ю. Лонская (2018), М. Т. Уонг (2020), так как благодаря им выбрана методика эксперимента, наиболее соответствующая поставленной цели.

Относительно терминологии, используемой в работе, отметим, что для данного исследования нерелевантны тонкости определения понятия «концепт», отличающиеся у разных авторов. В целом мы будем ориентироваться на дефиницию З. Д. Поповой и И. А. Стернина, определивших концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» (2007, с. 24). Концептосфера понимается как «упорядоченная совокупность концептов народа, информационная база мышления» (Попова, Стернин, 2007, с. 26). Отметим, что, несмотря на то что данное исследование посвящено формированию конкретного концепта – КУБА – в сознании носителей русской лингвокультуры, с точки зрения научной проблемы, описанной в работе, на наш взгляд,

корректнее говорить именно о формировании концептосферы, а рассматриваемый образ в данном случае выступает скорее примером.

Материалом исследования послужили данные ассоциативного эксперимента и контексты, представленные в Национальном корпусе русского языка (подкорпусы «Основной. Художественные тексты», «Газетный. Центральные СМИ» и «Социальные сети»).

В рамках эксперимента респондентам был задан всего один вопрос: «С чем у вас ассоциируется Куба?». При этом давалось пояснение, что нужно писать ассоциации именно на Кубу как страну, избегая родовидовых ассоциаций типа «страна», «Латинская Америка», «Гавана» и т. д. Количество ассоциаций не ограничивалось. В опросе приняли участие 70 респондентов, но благодаря отсутствию ограничения на число ассоциаций реакций оказалось намного больше (294). Опрос был составлен в Google Forms и размещён в социальной сети «ВКонтакте», и, хотя он был анонимным, из-за особенностей его распространения можно утверждать, что более половины опрошенных являются жителями Алтайского края, относятся к разным поколениям и сферам занятий и как минимум большая часть респондентов на Кубе не были. Время на записывание реакций не ограничивалось, но уточнялось, что следует писать ассоциации, которые действительно сразу приходят в голову.

Практическая значимость работы видится в возможности применения полученных результатов для дальнейших исследований в области когнитивной лингвистики, психолингвистики, теории текста и т. д., а также в преподавании таких дисциплин, как «Лексикология», «Теория языка», «Речевая коммуникация» и «Психология».

Обсуждение и результаты

Произнесение того или иного слова вызывает у носителей языка определённые ассоциации. При этом помимо индивидуального опыта у носителей одного и того же языка или представителей определённой культуры есть некие коллективные фоновые знания (Шабес, 1989, с. 7-11), что позволяет им, например, быстрее понимать друг друга при разговоре на соответствующую тему. Всё это не вызывает сомнений и достаточно широко освещено в научной литературе. Менее представлен вопрос о том, откуда у носителей языка возникает общая база знаний, ассоциаций и т. д. Очевидно, что, например, житейские фоновые знания, выделяемые Н. С. Валгиной (2003, с. 11), формируются из сходного повседневного опыта. З. Д. Попова и И. А. Стернин выявили пять источников формирования концептов: 1) непосредственный сенсорный опыт, или восприятие действительности органами чувств; 2) предметная деятельность человека, связанная с непосредственной работой с предметами; 3) мыслительные операции человека, связанные с уже существующими в сознании концептами; 4) языковое общение, т. е. объяснение концепта, например в процессе обучения; 5) самостоятельное познание значений языковых единиц, например через обращение к толковому словарю. При этом авторы указывают, что «образная основа концепта, составляющая его ядро как единицы УПК (универсального предметного кода. – М. В.), носит всегда индивидуально-перцептивный характер, поскольку формируется на базе личного чувственного опыта человека» (Попова, Стернин, 2007, с. 85). Приведённые З. Д. Поповой и И. А. Стерниным примеры демонстрируют, что личный опыт у всех свой, поэтому «так мало ассоциативных стимулов, на которые испытуемые давали бы в своей массе одинаковые образные парадигматические ответы – образ, кодирующий концепт, отражает индивидуальный опыт» (2007, с. 86). Однако в ассоциативных словарях представлено ограниченное количество реакций, объединяющих большое количество отвечающих. Кроме того, З. Д. Попова и И. А. Стернин пишут, что «образ, составляющий содержание концепта в сознании индивида, подвергается национальным сообществом определённой стандартизации» (2001, с. 71). Можно предположить, что наиболее легко стандартизации подвергаются концепты, менее связанные с личным опытом. Так, со многими объектами у говорящих не было непосредственного взаимодействия: это может касаться, например, предметов, не встречающихся в повседневной жизни говорящего, или же абстрактных образов, чего-то нематериального.

В последнее время всё большую популярность обретает исследование ономастических концептов, в частности концептов разных стран в сознании носителей определённого языка (Чжан, 2022; Уонг, 2020; Стрельчук, Лонская, 2018). Часто в случае конструирования образа какой-либо страны возникают стереотипные реакции, особенно это заметно, когда участники эксперимента не были в этой стране и не могли получить непосредственного впечатления. Обычно при описании концепта разделяются ядерные и периферийные значения, а в эксперименте используется анкетирование, представляющее собой вопросы об истории, географии, известных личностях изучаемой страны и т. д. (Уонг, 2020). Однако следует учитывать, что такие вопросы задают определённые ориентиры, поэтому, с одной стороны, позволяют выявить знания носителей языка комплексно, с другой – заставляют вспомнить то, что респонденты могли бы не назвать при свободном ассоциативном эксперименте. Таким образом, такая методика позволяет выявить базу знаний носителей языка об изучаемом объекте, но не значимые для представителей данной лингвокультуры ассоциативные связи.

Очевидно, что при свободном эксперименте количество реакций может быть больше, чем при направленном, и не всегда будет соответствовать теме, однако именно так можно выяснить, какие образы действительно возникают у носителей языка при упоминании определённого объекта. Можно предположить, что даже при свободном эксперименте будет заметно, что концепты объектов, с которыми опрашиваемые не взаимодействовали непосредственно, подвергались стандартизации. На наш взгляд, к таким объектам можно отнести, например, Кубу. В отличие от Китая, Великобритании, Франции и т. д., носители русского языка, как правило, не знакомы с литературой, кино Кубы, таким образом, представление о жизни кубинцев не формируется

из наблюдения хотя бы посредством художественных образов. Можно предположить, что образ Кубы у носителей русской лингвокультуры складывается под влиянием учебников по истории ещё в школе.

Приведём основные результаты проведённого эксперимента. Как было показано выше, методика его проведения была приближена к требованиям к свободному ассоциативному эксперименту (Горошко, 2001), однако для точности полученных данных мы позволили себе конкретизировать задачу для респондентов, задав минимальные ограничения (давать реакции на Кубу именно как страну и не приводить родо-видовые ассоциации). Несмотря на достаточно скромную выборку, можно утверждать, что представления о Кубе у представителей русской лингвокультуры действительно типизированы. Значительная часть реакций совпадала. На первом месте по числу упоминаний оказались знаменитые *кубинские сигары* (37 реакций). На втором – лидер Кубинской революции, много лет управлявший страной, – *Фидель Кастро* (28 реакций). Закономерно, что часто называли и другого команданте Кубинской революции – *Эрнесто Че Гевару* (18 упоминаний). Ещё один ответ был сформулирован как *команданте*, но, кого именно имел в виду респондент, неизвестно, возможно, это был собирательный образ кубинских команданте. Кроме того, лидером по упоминаемости оказался *кубинский ром* (20 реакций). Таким образом, самые частотные ассоциации респондентов связаны с экспортными кубинскими товарами или же с историческим аспектом, причём именно с социалистическим прошлым страны.

Действительно, исторический аспект представлен и в других ответах респондентов. Так, часто упоминались *революция* (8 реакций), *коммунизм* (4 реакции + ответ *социализм*), *Карибский кризис* (7 реакций). Среди ответов встречались также такие, как *Залив свиней*, *Кузькина мать*, *ядерное оружие*, *ракеты*, *друг СССР*, *дружба*, *борьба*. Актуализирована в ответах тема свободы: так, само слово *свобода* среди реакций встретилось 8 раз (+ ответ *независимость*), *остров Свободы* – 3 раза, *Cuba Libre / Куба Либре* – 2 раза (+ *Либре*), хотя непонятно, отсылка ли это к боевому кличу кубинских повстанцев, известному ещё со времён Войны за независимость Кубы (1895-1898), или же название известного коктейля, что, впрочем, всё равно является отсылкой к историческим событиям. Также были даны ответы *блокада*, *санкции*, *эмбарго*, *политика*. Последние четыре ответа, по-видимому, описывают и современное положение Кубы.

Среди других основных тематических блоков можно выделить природные, климатические ассоциации: *океан*, *море*, *солнце*, *пальмы*, *апельсины*, *кофе*, *сахарный тростник*, *кокосы*, *жара*, *зной*, *тепло*, *раскалённый песок*, *пляж*, *тропики*, *колибри*. Ассоциации этого блока, как правило, не повторяются дословно, но некоторые очень близки друг другу. Наиболее многочисленной из этой группы является реакция *жара* (5 ответов + 3 *тепло* + *зной*), *пляж* (6 ответов), *море* (6 ответов + *океан* + *волны*), *солнце* (6 ответов). Можно отметить, что из флоры Кубы особо выделяется всё-таки *сахарный тростник* (3 ответа + *сахар*), так как именно тростниковый сахар являлся и является важным экспортным товаром для Кубы. В случае с ассоциацией *кофе* трудно сказать, хотел ли говорящий подчеркнуть природный или сельскохозяйственный аспект, а может, сам образ жизни кубинцев, любящих кофе.

Называние экспортных товаров типа *апельсины*, *тростник*, *кофе* может отражать также экономический аспект. Однако собственно экономическим можно считать ответ *песо*.

Есть у респондентов некое представление о культуре и достижениях Кубы в разных сферах. Так, 8 респондентов привели ассоциацию *танцы*, был и более конкретный ответ *румба* (3 реакции), а также единичные ответы *сальса* и *балетная школа*, что уже отражает знания носителей языка, которые не могли быть почерпнуты из школьных учебников. 5 респондентов вспомнили о *музыке*, причём один даже расшифровал этот ответ, приведя в скобках конкретные жанры: *сон* и *болеро*, а также упомянул *Buena Vista Social Club*. Отдельно назывались *гитары*, один респондент вспомнил кубинскую песню *Гуантанамера*, написанную на основе первых строк одноимённой поэмы кубинского поэта и писателя Хосе Марти. Что интересно, в ответах нашло отражение и преломление образа Кубы в советском творчестве: двое респондентов назвали песню «*Куба – любовь моя*», написанную Александрой Пахмутовой на слова Николая Добронравова, а один участник эксперимента – даже пародийный вариант «*Куба, отдай наш хлеб!*».

Из других сфер, в которых известна Куба, чаще всего вспоминали *кубинский бокс* (3 респондента).

Помимо уже названных кубинских команданте из знаменитых личностей были названы третий чемпион мира по шахматам (Хосе Рауль) *Капабланка* (1 ответ) и (Эрнест) *Хемингуэй* (3 ответа + *Старик и море*), известный своим кубинским периодом творчества.

Представление о Кубе также оказалось тесно связано с машинами. 7 человек упомянули *кубинские автомобили*. При этом могло подчеркиваться, что это *старые советские машины*. Один респондент указал, что они *красивые*, другой назвал *смешными* и подчеркнул, что они *цветные*. Визуальные ассоциации с Кубой дополняются реакцией *разноцветные домики*.

Представление о жизни на Кубе четко разделилось на два лагеря с разными коннотациями. Так, часть респондентов называли *нищету/бедность* (5 реакций) и различные неблагоприятные социальные явления. Другая же часть респондентов приводила ассоциации *яркое, весёлое; загорелые, улыбчивые люди; тусовки; женщины в ярких пышных нарядах*, что говорит об амбивалентности представлений о Кубе (один респондент даже дал ответ *контраст*) и в целом отражает объективную противоречивость жизни на Острове Свободы. Отмечался в ответах также *медленный темп жизни*, один респондент назвал Кубу *ламповой экзотикой*, причём опять-таки с *привкусом коммунизма*.

Случайных ассоциаций не со страной, а с самим словом «Куба», Карибским морем почти не было. Однако была, например, ассоциация *пираты Карибского моря*.

В целом по результатам эксперимента можно сделать вывод, что представители русской лингвокультуры в первую очередь имеют представление о социалистическом прошлом Кубы, знание о котором, вероятно, сформировано учебниками по истории или какими-либо другими текстами, включая кинотексты и т. д. Есть

некоторое устойчивое представление о природе Кубы, присутствует отражение культурных особенностей и т. д. Однако можно заметить, что представление о современной Кубе отражено в ответах довольно слабо: есть несколько реакций о достижениях в сфере музыки, бокса и т. д. В виде исключения можно привести ответ *однополые браки*, явно демонстрирующий, что говорящему знакомы некоторые новые факты о Кубе, полученные, вероятно, посредством СМИ.

Сравним результаты полученного эксперимента и анализа функционирования лексемы «Куба» в русскоязычных текстах на основании данных Национального корпуса русского языка (заметим, что исследование концептов методами корпусной лингвистики, хоть и с другими задачами, приобретает всё большую популярность в современной науке (Труфанова, Морозова, 2022; Селин, 2011)). Для этого выберем три разных подкорпуса – «Основной» (поиск сужен благодаря выбору подкорпуса «Художественные тексты»), «Газетный» (подкорпус «Центральные СМИ»), а также «Социальные сети», что позволит выявить особенности употребления слова в текстах разных функциональных стилей и оценить разницу во влиянии текстов из разных сфер на формирование образа в сознании носителей языка. При поиске лексемы «Куба» задавались следующие критерии поиска: «женский род», «заглавная буква». В художественных текстах найдено 325 примеров из 119 текстов (здесь и далее данные актуальны на 1 декабря 2024 года), что представляет собой довольно небольшую выборку. Таким образом, Куба в русскоязычной художественной литературе упоминалась довольно редко. Даже в этой незначительной выборке не все контексты оказались о Кубе как о государстве в Латинской Америке. Например, в части контекстов XIX века упоминается Куба как город в Средней Азии (современное название – Кува). Однако встречается и упоминание Кубы как острова: «Нет, это остров Куба, или Ява, или Люсон, или берег Китая, Индии, Америки...» (Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». 1855). Кроме того, в XIX веке уже известны кубинские сигары, что отражается в названиях марок: «А сигары! Подумаешь, каких наименований не придумано одним и тем же сигарам, делаемым из одного и того же табака и только смачиваемым составом из разных специй: сигары “Гаванские”, “Трабукос”, “Регалия”, “Манила” – это главные роды, а не угодно ли послушать их подразделения? “Барелла”, “Водвиль”, “Зильва”, “Перосиер”, “Дозамикос”, “Жаке”, “Кабанос”, “Лафама”, “Нунец”, “Матос”, “Регес”, “Баланцуелас”, “Кабалерос”, “Канонес”, “Ла Атилла”, “Медио Регалиа”, “Лапалма”, “Таглиони”, “Сильфида”, “А ля Кристин”, “Наполеон”, “Кедера”, “Куба”, “Ла Емпресса”, “Де Колорадо”, “Ланзанц”, “Лакаца-Дорес”, “Ла Норма” и прочие и прочие» (Расторгуев Е. И. Прогулки по Невскому проспекту. 1846). Особый табак, особые сигары с Кубы упоминаются и в ряде более поздних текстов, что пересекается с реакциями респондентов.

Многие даже поздние контексты посвящены именно обретению Кубой независимости, передаче тех особых чувств, которые испытывали советские люди по этому поводу: «А потом я в этой рубашке вместе с приятелями протискиваюсь сквозь густую толпу на Суворовском проспекте, чтобы ближе оказаться к проезжей части, где два парня пишат мелом на асфальте: “Вива Куба!”» (Каралис Д. Мы строим дом. 1987–2001). Описывается помощь Кубе, упоминается Фидель Кастро и т. д.

Заметим, что в описании Кубы встречаются и некоторые природные, климатические особенности, иногда это представление о Кубе оказывается свёрнутым до эпитета, например: «– Грейпфруты, – задумчиво сказал шеф. – Грейпфруты из солнечной Кубы. – Годится! – ответил Электроник» (Велтистов Е. Новые приключения Электроника. 1988).

Некоторые контексты сами по себе представляют перечисление стереотипных образов, связанных с Кубой: «Я когда первый раз на набережную вышел, обалдел – все обнимаются, целуются, девушки полуголые, парни потные, ночь звездная, ром, океан, музыка грохочет и Большая Медведица на небе кверху ковшом висит. Остров Свободы, Куба либре. Если б еще работать не надо было...» (Завершнева Е. Высотка. 2012). В ряде примеров наблюдается романтизация образа Кубы: «Потом бросает газеты, вспоминает вдруг Кубу, где он побывал. Ах, Куба! Я слушаю, прикрыв глаза от ночного света, и как-то не верится, что есть где-то настоящие ночи. Что-то такое мне представляется неясное, жаркое, огненное, какие-то ораторы под палящим солнцем, воздетые вверх девичьи руки с автоматами, переходы по горам и сухой шум каменных осыпей из-под ботинок, шелест тростников, ночное небо в звездах, чужие запахи и эти дивные слова: “Патриа о муэрте!”... Ах, Куба! Революция, жар и клятвы, веселье и смерть, вино и кровь, и надо всем вспышками ослепительные дни и черно-густые ночи!» (Казаков Ю. Белые ночи. 1963). Следует отметить, что Куба в художественной литературе часто описывается не со стороны автора, а с позиции какого-либо героя, при этом Куба воспринимается как нечто экзотическое, культура и обычаи Кубы передаются из третьих уст, начинают мифологизироваться, реальность – искажаться и т. д.: «Заодно он рассказал ей, что на Кубе из-под мини-юбки обязательно должны быть видны трусики, а если трусики не видны, то это уже не мини-юбка, и у кого трусики не видны, та считается монахиней и старой девой» (Стругацкий А., Стругацкий Б. За миллиард лет до конца света. 1974).

Большинство рассмотренных контекстов в области художественных текстов не содержат объективного описания Кубы, но формируют общее с ассоциациями носителей языка смысловое поле: многие образы пересекаются. Однако не хватает оснований говорить о влиянии данных текстов на носителей языка. Многие из этих произведений вряд ли читались большинством опрошенных. Скорее можно говорить об общих фоновых знаниях представителей русской лингвокультуры, проявляющихся и в творчестве писателей, и в ответах респондентов. В найденных контекстах представлено мало фактов: указаний конкретных дат, упоминаний известных личностей и т. д. Одним из исключений является, например, упоминание Хосе Рауля Капабланки в «Бронзовой птице» Анатолия Рыбакова. По контексту очевидно, что для советских людей Капабланка – значимая фигура, одна из первых ассоциаций с Кубой: «– Значит, вы с Кубы? – переспросил Миша только для того, чтобы нарушить

неловкое молчание. – Куба, Куба, – засмеялся кубинец. – Капабланка! – сказал Генка» (Рыбаков А. Бронзовая птица. 1955-1956). Обратим внимание, что из 70 респондентов только один назвал Капабланку. При этом других кубинцев, кроме Фиделя Кастро и Эрнесто Че Гевары, названо не было.

Что касается современного облика Кубы, то в художественных текстах поднимается тема уровня жизни на Кубе: «– На Кубе самая низкая детская смертность в Латинской Америке, – пробормотал сотрудник извиняющимся тоном, нутужно краснея, как если бы пытался достойно выжать непосильную штангу» (Климонтович Н. Последняя газета. 1997-1999). Кроме того, Куба представлена в контексте некой мечты, чего-то смелого и необычного: «Оксанка же переполнена желаниями: ей охота купить новую кухню, вставить стеклопакеты, съездить на Кубу, побывать на модном спектакле...» (Донцова Д. Уха из золотой рыбки. 2004).

Сравним рассмотренные примеры с контекстами из газетного подкорпуса. В подкорпусе «Центральные СМИ» найдено 23382 примера из 10065 текстов. Логично предположить, что именно по публикациям в СМИ можно будет реконструировать образ современной Кубы. Однако оказалось, что и в СМИ до сих пор частотным является образ революционной Кубы. Так, ряд контекстов относится к рубрике «День в истории»: «После победы кубинской революции под руководством Фиделя Кастро в 1959 году отношения острова с США резко ухудшились. Соединенные Штаты объявили Кубе экономическую блокаду. На этом фоне произошло сближение Кубы с СССР» (День 9 сентября в истории // Парламентская газета. 09.09.2021).

Кроме того, Куба представляется как перспективное туристическое направление: «Из популярных направлений, теплых, добавлю еще, конечно, Кубу» (Никитина А. Теплые страны просчитывают рейсы // Коммерсант. 20.11.2020). Впрочем, развитие этой темы связано не только с достоинствами климата на Кубе и т. д., но и с актуальными для времени написания текстов событиями. Так, Куба стала одним из самых востребованных направлений в разгар эпидемии коронавируса, когда поездки во многие страны были недоступны. Однако отдых на Кубе во время пандемии также мог обернуться ограничениями: «Россиянин сравнил отдых на Кубе с тюрьмой посреди пальм» (Россиянин сравнил отдых на Кубе с тюрьмой посреди пальм // Lenta.ru. 16.12.2020).

Во время пандемии также актуализировалась медицинская тематика, множество статей были посвящены прививочной кампании на Кубе: «Ещё дальше пошли на Кубе – с 15 сентября на острове запустили прививочную кампанию среди детей от двух лет. Для этого используют местный препарат Soberana 02 с дополнительным компонентом Soberana Plus. По меньшей мере одну дозу из трёх получили уже более 1,6 миллиона детей, сообщил ТАСС» (Когда детей начнут прививать от COVID-19 // Парламентская газета. 25.11.2021). Впрочем, медицинская тематика при описании Кубы присутствовала и до пандемии: «Доктора – гордость Кубы – работают в более чем 60 странах мира, в основном в Африке и Латинской Америке» (Первышева Е. Армия белых халатов // Lenta.ru. 05.08.2019). Однако заметим, что ни у кого из опрошенных не возникло медицинских ассоциаций, несмотря на то что во время пандемии о Кубе говорили довольно часто.

Что касается представлений о достижениях Кубы в той или иной области, то в СМИ действительно освещались победы кубинских боксеров: «Первое место заняли боксёры из Кубы (4-0-1), второе – из Великобритании (2-2-2)» (Российские боксёры завоевали шесть медалей на Олимпийских играх в Токио // Парламентская газета. 08.08.2021), успехи кубинских музыкантов: «В разные годы фестиваль посетили легендарный джазовый барабанщик Джимми Кобб (США), лауреат премии “Грэмми” за лучший альбом латинского джаза Гонсало Рубакальба (Куба), звезды ню-джаз Club Des Belugas (Германия), уникальный саксофонист Роберт Анчиполовский (Израиль)» (Аксенов назвал Koktebel Jazz Party фестивалем номер один в Крыму // РИА Новости. 23.08.2019) и т. д.

Таким образом, СМИ действительно добавляет некоторые нюансы к формированию образа Кубы, однако и в этом случае на основании полученных данных трудно говорить о влиянии на носителей языка: темы, достаточно часто освещавшиеся в СМИ, не находят прямого отражения в реакциях респондентов. Впрочем, для окончательного вывода необходимо провести более масштабный эксперимент, так как, несмотря на значимую, на наш взгляд, однородность ответов в выборке, она всё же оказалась довольно небольшой.

В подкорпусе «Социальные сети» найдено 1662 контекста про Кубу в 1071 тексте. Именно в этом подкорпусе обнаружено максимальное число примеров, формирующих представление о солнечной, доброжелательной Кубе. Возможно, это связано с тем, что тексты в социальных сетях часто ориентированы на то, чтобы их прочитало большое число людей, поэтому красивые описания (как правило, с фотографиями) являются важной составляющей. Среди контекстов Национального корпуса русского языка есть фактически рекламные тексты, способные мотивировать читателей увидеть Кубу своими глазами: «Куба славится великолепными пляжами северного побережья, восхитительными старинными городами, в архитектуре которых сочетаются разные стили, начиная с колониального барокко и заканчивая ар-деко и бетонными коробками советского типа, широким разнообразием латиноамериканской музыки – все с зажигательным ритмом, сногшибательным романом и лучшими в мире сигарами, скатываемыми вручную» (Ершова М. Блог о туризме. 2021). Приведённый пример содержит уже не только набор стереотипов, известных всем со школы, но и описание архитектуры города, что позволяет передать взгляд автора, по-видимому, побывшего на Кубе и делящегося впечатлениями. Впрочем, в конце данного фрагмента снова упоминаются ром и сигары как почти обязательные атрибуты описания Кубы, позволяющие читателям актуализировать свои представления о стране. Заметим, что и в ряде других текстов, несмотря на эмоциональное осмысление увиденного и некоторые детали, тем не менее описываются объекты, с которыми ассоциируется Куба и у тех, кто на ней не бывал: «На Кубе просто прекрасный океан. Он настолько тёплый, что можно сидеть часами в воде» (Яна. Рецепты. Контент-Съемка. 28.06.2021); «На Кубе вкуснейший ром 🍷 Не знаю, может там обстановка располагает, воздух другой... но то что ром там

вкуснее однозначно☺» (Яна. Рецепты. Контент-Съемка. 28.06.2021); «На Кубе позитивные, танцевальные и улыбчивые люди» (Яна. Рецепты. Контент-Съемка. 28.06.2021); «На Кубе белые песчаные пляжи... на контрасте с бирюзовой водой и королевскими пальмами это просто потрясающее зрелище» (Яна. Рецепты. Контент-Съемка. 28.06.2021); «Куба наверное последнее место на земле, где можно посмотреть на ретро автомобили не в музее... а даже покататься на них» (Яна. Рецепты. Контент-Съемка. 28.06.2021).

В социальных сетях используются некоторые штампы о Кубе как стране постоянного веселья, нашедшие отражение и в реакциях участников эксперимента: «Сальса – настоящая кубинская сальса (Casino) – это лучший анти-депрессант родом из жаркой и веселой Кубы!» (VK. 07.10.2015); «В этом удивительном ресторане, как и на самой Кубе, время будто бы замирает, открывая перед посетителями возможность с головой погрузиться в чарующую атмосферу острова свободы, любви и рома» (VK. 21.09.2015). В некоторых контекстах подчёркивается контраст между условиями жизни и настроением кубинцев: «Но не зря второе название Кубы – Остров Свободы: в карманах ни одного песо, электричество отключили за неуплату, со вчерашнего дня пусто в желудке, но в душе бушуют страсти, а глотка хочет все их выкричать да поделиться песней с братьями и сёстрами по беде» (VK. 16.11.2015).

Описание социалистического прошлого в социальных сетях закономерно не является актуальным, однако отсылки к нему всё равно встречаются: «На Кубе начали строить коммунизм и продолжают это делать до сих пор» (Грачиков В. Блог Valerongrach-a. 2016); «Куба для русского человека – место особенное. Прежде всего, россиянам сюда пускают без визы: сказывается бывшая идеологическая близость. Предыдущий пост был про визит Фиделя Кастро в Воронеж, а теперь поговорим о современной Кубе» (wikella. Воронеж старый, новый и не только... 2021).

В примерах из социальных сетей также актуализируется и медицинская тематика, например в контексте: «Никто ведь не ездит в Финляндию лечится, как в Германию, или в тот же Израиль, или вот даже на Кубу» (У нас и у них. 2019-2021).

Таким образом, основные тематические доминанты в представлении Кубы в русскоязычных текстах в основном совпадают с полученными реакциями. Исключение составляет медицинская тема, представленная в текстах всех проанализированных подкорпусов, но не нашедшая отражения в ответах респондентов.

Заключение

Концепт КУБА в сознании носителей русской лингвокультуры представлен в самых разных аспектах: природном, историческом, культурном и т. д. Однако значительная часть ассоциаций стандартизирована, что демонстрируют однотипные реакции. Отсутствие личного опыта взаимодействия с изучаемым объектом у многих носителей русской лингвокультуры позволяет предположить наличие неких общих источников, формирующих образ Кубы. На наш взгляд, таким источником могут быть учебники по истории. Однако ответы респондентов явно не умещаются в рамки учебного материала, в связи с чем в ходе данного исследования был проведён анализ функционирования лексемы «Куба» в текстах разных сфер: художественной, публицистической, а также пространства социальных сетей, что приблизительно соответствует художественному, публицистическому и разговорному стилям, что, впрочем, на наш взгляд, менее важно для данного исследования, чем сама сфера функционирования. Результаты анализа демонстрируют множество смысловых пересечений между русскоязычными текстами, в которых представлена Куба, и реакциями респондентов. Определённый набор штампов явно закрепляется в сознании в том числе благодаря текстам. Однако на данном этапе исследования нет оснований утверждать, что образ Кубы у носителей русского языка сформировался под влиянием соответствующих текстов, скорее у авторов текстов и респондентов одна и та же база знаний. Так, в ходе эксперимента получены реакции, не находящие или почти не находящие отражения в проанализированных текстах, напротив, медицинская тематика, представленная в текстах всех проанализированных сфер, никак не представлена в ответах респондентов.

К перспективам исследования можно отнести расширение выборки респондентов, а также усложнение структуры эксперимента, что позволит точнее выявить источники формирования концепта КУБА в сознании носителей русской лингвокультуры и, шире, получить новые данные об источниках формирования концептосферы в целом.

Источники | References

1. Беляевская Е. Г. О некоторых закономерностях формирования концептосферы в языковом сознании ребенка // Вопросы психолингвистики. 2015. № 25.
2. Бринев К. И. Экспериментальный реализм в когнитивной лингвистике. Истина и опыт // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2017. Т. 12. № 5.
3. Бринев К. И. Эссенциалистские теории значения: когнитивная теория категоризации и теория прямой референции. Барнаул: ООО «Пять плюс», 2023.
4. Бринев К. И., Шпильная Н. Н. Теория объективного знания и когнитивная теория языка: постановка проблемы // Вестник Марийского государственного университета. 2020. Т. 14. № 3 (39).
5. Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003.
6. Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента, 2001.
7. Дудова Н. А. Когнитивная лингвистика в России // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 3-2 (33).

8. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001.
9. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007.
10. Севастьянова И. В. Проблема формирования концептосферы профессиональной деятельности судоводителя // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2017. Т. 12. № 5.
11. Селин С. В. Семантический анализ концептуальных признаков на основе корпусных данных (на примере концепта MADNESS) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. № 3-2 (32).
12. Стрельчук Е. Н., Лонская А. Ю. Формирование и трансформация концепта «Россия» в картине мира современных американских студентов // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. Т. 7. № 4.
13. Суворова Е. В., Романова Ю. Г., Михайлов В. В. Изучение концептосферы русского языка через поиск универсальной основы ее формирования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 3.
14. Труфанова Н. О., Морозова Е. В. Анализ современных тенденций формирования концепта «интеллект» в английском языке на основе методов лексикографии и корпусной лингвистики // Гуманитарный вестник. 2022. № 3 (95).
15. Уонг М. Т. Концепт Вьетнам в современном русском языке: дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2020.
16. Чжан Я. Концепт КИТАЙ в сознании носителей русского языка (на материале ассоциативного эксперимента) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20. № 1.
17. Шабес В. Я. Событие и текст. М.: Высшая школа, 1989.
18. Юровицкая Л. Н. Английский лингвокультурный концепт «Сомнение» и способы его языковой манифестации: автореф. дисс. ... к. филол. н. Самара, 2005.

Финансирование | Funding

- RU** Публикация подготовлена в рамках реализации проекта «Куба – Алтай: культурный альянс», осуществляемого за счет средств гранта Губернатора Алтайского края в сфере молодежной политики.
- EN** The publication was prepared as part of the implementation of the project «Kuba – Altai: Cultural Alliance», funded by a grant from the Governor of the Altai Territory in the field of youth policy.

Информация об авторах | Author information

- RU** Воронец Мария Владимировна¹, к. филол. н., доц.
¹ Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул
- EN** Maria Vladimirovna Voronets¹
¹ Altai State Pedagogical University, Barnaul
- ¹ Voronets.10.02.01@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 03.11.2024; опубликовано online (published online): 24.12.2024.

Ключевые слова (keywords): когнитивная лингвистика; концепт КУБА; источники формирования концептосферы; корпусная лингвистика; стандартизация концепта; cognitive linguistics; CUBE concept; sources of formation of the conceptual sphere; corpus linguistics; standardization of the concept.